

Алексей
Виноградов

СИМФОНИЯ ТИШИНЫ

18+

Алексей Вениаминович Виноградов

Симфония тишины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72468385

SelfPub; 2025

Аннотация

У Лики очень острый слух, слышать то что не слышат другие. Это дар или проклятие. Она и сама не знала. К ней обращается бизнесмен Максим Орлов, олигарх, его дочь похитили и единственная зацепка. это флешка на которой похитители оставили сообщение. И Лика единственная кто может услышать что то другое.

Алексей Виноградов

Симфония тишины

Глава первая.

Тиканье часов на кухне отзывалось в висках ровными, тяжелеными ударами маленького молоточка. Тик-так. Тик-так. Не секундная стрелка, а целый кузнечный молот. Лица за-жмурилась, сильнее вжимая амбушюры шумоподавляющих наушников. Не помогало. Она слышала сквозь них. Всегда слышала. Гул холодильника был низким, навязчивым басом, вибрацией, проходящей сквозь пол и впивающейся в пятки. За стеной соседи вели свой вечный диалог на повышенных тонах. Она не различала слов, только гласные, взрывные «п» и «б», визгливый женский голос и низкий, утробный мужской. Для нее это был не разговор, а какофония раздражения, ссора двух не отстроенных музыкальных инструментов.

Лица провела пальцами по вискам, делая маленькие круговые движения. Головная боль, верная спутница, уже подползала к затылку тонкими щупальцами. Она потянулась к панели управления на своем компьютере и легким движением ползунка приглушила низкие частоты в своем рабочем проекте. На мгновение стало легче. На экране был загружен видеофайл, сцена побега героя через ночной лес. Режиссеру нужен был «живой, дышащий, пугающий звук, чтобы зритель чувствовал каждую ветку».

Ли́ка отклю́чила записанный библиотечный шум леса, он был плоским и мертвым. Вместо этого она собрала собственную звуковую палитру: шелест старого шелкового халата по микрофону для шагов по опавшей листве, скрип натянутой кожи для треска сучьев, а ее собственное, чуть учащенное дыхание, записанное на чувствительный микрофон, стало звуком страха и напряжения героя. Она работала хирургом звука, вычленяя малейшие нюансы и собирая из них новую, идеальную реальность. В своей студии, обитой звукопоглощающими панелями, она могла контролировать этот мир. Выключать и включать его. Но за дверью студии был другой мир. Враждебный и слишком громкий. Ли́ка встала, и ее шаги отозвались тихим щелчком, который для ее ушей прозвучал как выстрел пробки от шампанского. Она налила себе воды.

Звук льющейся жидкости был оглушительным водопадом. Она пила маленькими глотками, стараясь не производить ни звука. Внезапно ее тело напряглось. Снаружи, сквозь все преграды, донесся рокот мощного двигателя. Он остановился прямо у ее дома. Не скрип тормозов старого «Жигуля» соседа, а тихий, уверенный шепот дорогого автомобиля. Двери открылись и закрылись. Тихо, почти вежливо. Но шаги... тяжелые, мужские, уверенные. Они приближались к ее двери. Не к соседской. К ее. Ли́ка замерла у раковины, сжимая стакан так, что костяшки пальцев побелели. Ее сердце, стук которого вдруг стал таким же громким, как те часы на

кухне, отчаянно забилося в груди. К ней не приходили. Никогда.

Раздался резкий, невыносимо громкий звук электрического звонка. Пронзительная, визгливая нота, вонзившаяся прямо в мозг. Лица вздрогнула, едва не выронив стакан. Она не двигалась, надеясь, что непрощенный гость уйдет. Звонок повторился. Длиннее, настойчивее. Медленно, как во сне, она подошла к двери и поднялась на цыпочки, глядя в глазок.

На площадке стоял мужчина в идеально сидящем темном костюме. Его лицо было невозмутимо и серьезно. Он не походил на курьера с пищей или соцработника. Он выглядел как вестник из другого, чужого и громкого мира, который вот-вот ворвется в ее хрупкую вселенную из стекла. Лица сделала глубокий вдох, пытаясь заглушить внутренний шум паники. Рука сама потянулась к щеколде. Мир за дверью собирался войти внутрь. И она знала, ничего хорошего он с собой не принесет. Лица задержала дыхание, превратившись вслух. Мужчина за дверью не уходил. Он не переминался с ноги на ногу, не вздыхал с нетерпением. Он просто стоял. Молчание с его стороны было таким же плотным и весомым, как и его присутствие.

Ее пальцы дрогнули и нащупали холодную металлическую цепочку, жалкую преграду, которую она всегда защелкивала первой. Цепь звякнула, звук ударил по барабанным перепонкам, как крошечный молоточек.

– Кто? – ее собственный голос показался ей чужим, осип-

шим от долгого молчания. Он прозвучал как скрип несмазанной двери в абсолютной тишине.

– Лика Соколова? – голос за дверью был низким, бархатистым, поставленным. Он не пытался перекрыть тишину, а мягко заполнил ее, как табачный дым. Лика непроизвольно проанализировала его: легкая хрипотца, следствие старой простуды или от курения, идеальные голосовые связки, тренированные для убеждения.

Она не ответила. Знание ее имени делало визит еще более тревожным.

– Меня зовут Артем. Я представляю интересы Максима Орлова, – произнес он, и это имя прозвучало как удар грома.

Максим Орлов. Медиамагнат. Человек, чье лицо смотрело с каждого второго билборда в городе. Человек из мира, который грохотал, ревел и никогда не молчал.

– Мне нечего ему продать, и я не подписываю петиций, – резко сказала Лика, прижимая ладонь к двери. Дерево было прохладным и казалось единственной твердой опорой в поплывшей реальности.

– Это не коммерческое предложение. Господин Орлов просит о помощи. Вашей помощи, – голос за дверью не дрогнул, но в нем появилась стальная нить. – Речь идет о жизни его дочери.

Лика ощутила ледяную волну, прокатившуюся от копчика до затылка. Жизнь дочери. Эти слова не несли в себе конкретного звука, только тяжесть, похожую на предгрозовое

молчание. Ее рука, все еще сжимавшая стакан, задрожала. Капля воды сорвалась с края и упала на пол. Плюх. Звук был микроскопическим, но в тишине прихожей он прозвучал как приговор.

Она ненавидела этот мир. Ненавидела его навязчивый, бесцеремонный шум. Но сейчас за дверью стояла тихая, вежливая просьба, пахнувшая бедой. И отказ казался самым громким поступком, на который она была способна.

Медленно, почти против своей воли, Лика повернула ключ в замке. Щелчок показался ей невероятно громким. Дверь отворилась на цепочке, на ширину ладони. В щели возникла полоска дорогой ткани костюма, часть плеча и серьезное лицо незнакомца. Его глаза мгновенно оценили ее, скользнули по ее лицу, задержались на наушниках на ее шее. В них не было ни любопытства, ни насмешки. Только холодная констатация факта.

– У вас есть пять минут, – прошептала Лика, и ее голос снова сорвался. Она захлопнула дверь, отщелкнула цепь и открыла ее полностью.

Он переступил порог, и вместе с ним в квартиру вошел запах морозного воздуха, дорогого парфюма с нотками сандала и чего-то еще... чего-то металлического и напряженного, что не имело запаха, но ощущалось кожей. Он был воплощением внешнего мира, который она так тщательно запирала снаружи. Он не стал осматриваться, не пытался оценить обстановку. Его взгляд был прикован к ней.

– Меня прислали к вам, потому что вы лучшая, – сказал он без всяких предисловий. – Нам нужны ваши уши, Соколова. Больше надежды ни у кого нет.

Он протянул руку. В его ладони лежала маленькая, ничем не примечательная флешка. Она казалась маленькой и безобидной.

– Здесь единственная зацепка, – произнес он, и его бархатный голос наконец дал крошечную трещину. В его интонации прозвучала та самая сталь и отчаяние. – Пожалуйста.

Лица посмотрела на флешку, потом на его лицо. Пять минут истекли. Но тиканье часов на кухне вдруг смолкло, заглушенное громким, невыносимым стуком ее собственного сердца. Она понимала, что ее тихая, выстроенная с таким трудом жизнь только что закончилась.

– Хорошо. – согласилась Лица.

– Только мне вас придётся отвезти к Орлову. Он просил вас привести

– Дайте мне пять минут

Глава вторая

Лица сидела на заднем сиденье автомобиля, и мир за тонированным стеклом плыл бесшумно, как немое кино. Но внутри машины был свой звуковой ландшафт: почти неслышимый гул двигателя, тихое шипение климат-контроля и ровное, слишком контролируемое дыхание Артема, сидевшего рядом. Он не пытался заговорить, за что она была ему безмолвно благодарна. Она сжала в кармане куртки ту самую

флешку. Крошечный кусочек пластина, который теперь весил тонну.

Автомобиль плавно свернул с шумного проспекта за высокий кованый забор. Давление в ушах Лики изменилось, они въехали в зону дорогой, продуманной тишины. Особняк Орлова возник как монолит из стекла и бетона, холодный и неприступный. Он не скрипел, не стонал, не шелестел, он просто молчал, и эта искусственная тишина была почти злобщей. Войдя внутрь, Лика едва не вздрогнула от контраста. Здесь царила идеальная акустическая стерильность. Глубокие ковры поглощали шаги, на стенах, ткани и панели, убивавшие любое эхо. Было тихо, как в склепе. Богатые люди, поняла она, могут позволить себе купить не только шум, но и его полное отсутствие.

Их провели в кабинет. Максим Орлов стоял у панорамного окна, спиной к ним, глядя на ночной город, лежавший у его ног как сверкающая игрушка. Он обернулся медленно. Его лицо было маской усталости и надменности, высеченной из гранита. Но в глазах, красных от бессонницы, плескалось настоящее, дикое отчаяние. Оно кричало беззвучным криком, который Лика слышала кожей.

– Это она? – его голос был хриплым, лишенным тех бархатных нот, что были у его посланника. В нем скрежетал гравий и пепел.

– Лика Соколова, – кивнул Артем.

Орлов оценивающим взглядом окинул ее с ног до головы,

задержался на потертых кроссовках и простой кофте. В его взгляде не было презрения, было лишь недоумение. Он искал инструмент и видел хрупкую, испуганную девушку.

– Мне сказали, у вас уникальный слух, – он подошел к массивному столу и уперся в него костяшками пальцев. – Мою дочь, Машу, похитили вчера вечером. Ни свидетелей, ни записей с камер, ничего. Только это.

Он кивнул на флешку в руке Лики.

– Они прислали запись. Голос. Я его не узнаю. Мои люди ничего не могут выжать из этого файла. Говорят, чисто, без фона. – Он ударил кулаком по столу, и Лика вздрогнула от резкого, громкого звука. – Врут! Или не могут!

Он умолк, тяжело дыша.

– Сыграйте, – тихо сказала Лика.

Орлов взглянул на нее с новым интересом, кивнул Артему. Тот вставил флешку в ноутбук на столе. На экране появился один-единственный аудиофайл. Лика надела свои наушники, закрыла глаза и кивнула. Зазвучал голос. Спокойный, механический, искаженный вокодером, но Лика сразу уловила то, что не уловили бы другие. Не идеальная чистота, а микронные шумы оцифровки, легчайший фон, дыхание перед фразой.

– Орлов. Слушай внимательно. Твоя дочь жива. Если хочешь ее вернуть, готовь десять миллионов долларов мелкими купюрами. Жди инструкций. Никакой полиции. Иначе... ты услышишь ее в последний раз.

Запись оборвалась. Лика резко сняла наушники. Ее сердце колотилось. Она слышала. Слышала слишком много. Не только слова. Она слышала пространство, в котором это говорилось. Слышала едва уловимый отзвук, тембр, который рассказывал ей историю.

– Ну? – в голосе Орлова прозвучала надежда, которую он сам же и глушил.

– Нет, – выдохнула Лика, отступая к двери. – Я не могу. На лице Орлова застыло изумление, быстро сменившееся яростью.

– Что значит не могу?!

– Это слишком громко. – она искала слова, чтобы объяснить человеку из мира глухих, что такое звук. – Там не просто голос. Там... комната. Воздух. Я слышу стены, которые его слышали. Это как... залезть в голову к тому, кто это говорил. Это слишком личное. Я не детектив, я не могу это слушать снова.

– Это жизнь моей дочери! – проревел Орлов, и его голос, сорвавшийся на крик, ударил Лику по нервам, заставив сжаться. – Вы думаете, мне приятно унижаться здесь перед вами? Я умоляю

– Я не могу, – повторила она, уже почти шепотом, чувствуя, как ее тошнит от этого всего. От его горя, от этого голоса на записи, от давящей тишины особняка.

Орлов замер. Ярость схлынула, сменившись холодной, расчетливой решимостью. Он медленно прошелся по каби-

нету, остановился напротив нее.

– Хорошо, – сказал он тихо. – Давайте говорить на языке, который вы понимаете. Вы говорите о тишине. Я вижу, как вы страдаете от шума. Я могу купить вам тишину.

Лица подняла на него глаза.

– Я заплачу вам пять миллионов долларов, – произнес он, и цифра повисла в воздухе, невесомая и нереальная. – Помогите мне. Найдите мою дочь по этому голосу. И на эти деньги вы сможете купить себе дом где угодно. На необитаемом острове. В Альпах. В бункере под землей. Где угодно, где тихо. Вы сможете выстроить себе мир без этого громкого ада. Навсегда.

Он смотрел на нее, и он видел. Видел, как его слова бьют точно в цель, в самую суть ее существования. Лица стояла, парализованная. Перед ней стоял дьявол и предлагал сделку. Ее душа, ее слух, в обмен на спасение другой души и на вечную тишину. Она посмотрела на флешку, лежавшую на столе. Крошечный кусочек пластика, хранивший в себе крик другого человека, ее кошмар и... возможно, ключ к ее собственному спасению. Ее собственная тишина. Вечная. Без боли. Горло пересохло.

– Я... – она сглотнула. – Мне нужна ваша студия. Полная звукоизоляция. И чтобы меня никто не трогал.

На лице Орлова впервые появилось что-то похожее на улыбку. Безрадостную, но удовлетворенную.

– Артем, обеспечьте все, что нужно мисс Соколовой.

В студию ее вел молчаливый Артем. Они спустились на лифте на цокольный этаж, и с каждым метром вглубь давящая тишина особняка сменялась другой, технической, лабораторной. Дверь, в которую он ее провел, была похожа на дверь в банковское хранилище: массивная, обитая сталью. Внутри не было окон. Воздух был неподвижным и прохладным, пахло озоном и новым пластиком. Стояла такая тишина, от которой закладывало уши. Звуковая камера. Идеальная, стерильная пустота, где не было ни одного лишнего колебания воздуха. Рай, который она могла позволить себе лишь в мечтах.

На массивном столе ждал ее профессиональный аудиоинтерфейс с рядами ручек и кнопок, мониторы с акустическими программами, студийные наушники с идеально ровной амплитудно-частотной характеристикой. Рядом лежала та самая флешка. Артем остался у двери, превратившись в часть интерьера.

– Вас не будут беспокоить, – сказал он, и его голос, даже приглушенный, прозвучал в этой гробовой тишине как кощунство. – Если что-то понадобится, вот телефон, прямая связь.

Он указал на белую трубку на стене. Лица кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Ее пальцы дрожали, когда она провела рукой по холодному корпусу аудиоинтерфейса. Это был инструмент бога. Или дьявола. Дверь закрылась за Артемом с едва слышным щелчком замка. Не запирая ее, про-

сто... отсекая. Она осталась одна. В идеальной тишине, купленной за обещание погрузиться в самый громкий кошмар.

Лица медленно опустилась в кресло. Оно было мягким, анатомическим, и поглощало ее целиком. Она взяла флешку. Пластик был холодным. Она вставила ее в разъем, и на экране монитора возник тот самый файл. Ее дыхание стало частым и поверхностным. Она боялась. Боялась нажать «play». Боялась впустить этот голос сюда, в свое единственное безопасное место. Он осквернит его. Навсегда наполнит отголосками чужого зла. Но с другой стороны тишины ждала другая девушка. Та, которую, возможно, тоже держали в тишине, но не спасительной, а ужасающей.

И ждал остров. Ее остров тишины. Лица с силой выдохнула, зажмурилась и ткнула пальцем в клавишу. Голос ворвался в тишину, оглушительный в своей искаженной безличности. Он заполнил все пространство, ударил по барабанным перепонкам, заставил сжаться все внутри. «Орлов. Слушай внимательно. Твоя дочь жива...» Она не выдержала, щелкнула паузой. Сердце бешено колотилось. Она ждала, пока эхо, воображаемое эхо не стихнет в ее голове.

Включила снова. Сделала тише. В третий раз она была готова. Она закрыла глаза, отключила зрение, чтобы все ресурсы бросить на слух. Она стала просто ухом, огромным, чутким, дрожащим микрофоном. Голос. Вокодер. Искажение. Но под ним... Да, там было что-то еще. Не чистота, а слои. Как годовичные кольца на срезе дерева.

Она включила эквалайзер, стала вырезать средние частоты, те, на которых лежал голос. Осталось шипение, едва уловимый фон. Она прокрутила еще раз. И еще. И тогда она услышала. Не сразу. Сперва это было похоже на биение собственного сердца в наушниках. Но нет. Тук. Ту-тук. Пауза. Тук. Очень далекий, приглушенный, ритмичный звук. Не механический. Живой. Сердце ее замерло. Она увеличила громкость на этом участке, вырезала все лишнее. И он проступил сквозь цифровой шум, чистый и отчетливый. Стук. Человеческий стук. Кто-то по ту сторону записи стучал.

Глава третья.

Лица замерла, затаив дыхание. Стук. Он был частью фона, случайным свидетельством, замороженным в пленку вместе с голосом похитителя. Он не принадлежал самому говорящему. Это был звук извне. Звук из того места, где все это происходило. Ее пальцы, еще минуту назад дрожавшие, теперь двигались уверенно и быстро по регуляторам. Страх отступил, сменившись холодной, хищной концентрацией. Она была у себя в стихии. Она была охотником, идущим по звуковому следу.

Она изолировала участок со стуком, зациклила его. Тук. Ту-тук. Пауза. Тук. Похоже на азбуку Морзе, но бессистемную. Скорее всего, кто-то просто барабанил пальцами по столу или по дереву где-то в соседней комнате. Неосознанно. Скучая. Это был человеческий звук. Значит, похититель был не один. Но это было слишком абстрактно. Нужно было

копать глубже. Она вернулась к началу записи и понизила, убрав громкость самого голоса. Теперь ее уши, настроенные как сложнейшие фильтры, начали вылавливать то, что скрывалось под ним.

Сперва пришел низкочастотный гул. Очень глубокий, едва уловимый, больше вибрация, чем звук. Он был постоянным, фоновым, как дыхание спящего гиганта. Она пропустила его через частотный анализатор. Пик на крайне низких частотах. Гудок. Не автомобильный, не пароходный. Что-то большее. Заводской гудок? Сирена какого-то огромного механизма? Или... маяк? Он был далеким, но мощным. Его звук шел сквозь километры. Затем скрип. Короткий, высокий, словно протестующий вздох старого дерева. Скрип половицы. Старой, непрочной, возможно, деревянной. Не единичный, а повторяющийся с небольшой периодичностью. Как будто кто-то медленно раскачивался на стуле. Или просто ходил по этому полу. Потом – вода. Отчетливое, ритмичное капанье. Не быстрое, как из не докрученного крана, а медленное, размеренное. Кап... кап... пауза... кап. Конденсат с трубы? Протечка в крыше? Звук был влажным, резонирующим, словно капли падали в лужу или в металлическую емкость.

И наконец... самое неожиданное. То, что заставило ее замереть на секунду. Едва слышная, призрачная, словно доносящаяся из другого измерения... музыка. Она ловила ее обрывки, прятавшиеся между словами требований. Лица уве-

личила чувствительность, заставив усилитель вытянуть этот шепот из небытия. Классическая музыка. Фортепиано. Узнаваемый, страстный, тревожный пассаж. Она знала эту музыку. Она использовала ее в одном из своих проектов, мрачной драме о потерях.

Рахманинов. Прелюдия до-диез минор. Та самая, с ее рочущими, набатными аккордами. Но здесь она звучала приглушенно, далеко, как будто из соседнего здания или из открытого окна. Фоном. Бытовухой для того, кто надиктовывал угрозы. Лица откинулась в кресле, сняв наушники. В ушах стояла оглушительная тишина, но теперь ее мозг был переполнен звуками. Он уже строил из них карту, пространство. Низкий гудок. Скрип дерева. Капанье воды. Рахманинов. Она взяла чистый лист бумаги и ручку, которые лежали на столе, и начала рисовать. Не картину, а схему. Звуковую карту.

1. Промзона или порт? (Мощный низкочастотный гудок).
2. Старое деревянное здание (скрип половиц).
3. Повышенная влажность, возможно, подвал или чердак с протечками (капанье воды).
4. Центр города? (Маловероятно, чтобы в промзоне кто-то слушал Рахманинова на такой громкости, что слышно через стену). Или же... похититель сам слушал эту музыку. Что это говорило о нем?

Она посмотрела на свои заметки. Это был хаос. Противоречивый набор данных, который не складывался в единую

картину. Промзона и классическая музыка? Старое здание с мощной промышленной сиреной поблизости? Но это было что-то. На большее обычные специалисты были не способны. Они слышали бы только голос. Она услышала эхо целого мира. Лика снова надела наушники. Она не искала больше отдельные звуки. Теперь она слушала их вместе. Их взаимное наложение, то, как гудок заглушал капанье на секунду, как скрип входил в диссонанс с музыкой.

Она слушала место. И это место начинало обретать форму в ее сознании, мрачное, сырое, полное противоречий и скрытых угроз. Она потянулась к белому телефону на стене, сняла трубку. В динамике послышались гудки.

– Ясно, – голос Артема был на удивление быстрым, словно он сидел прямо у аппарата.

– Мне нужна детальная карта города, – сказала Лика, и ее собственный голос показался ей хриплым от долгого молчания. – И пометьте на ней все старые портовые склады, заброшенные фабрики и заводы в радиусе слышимости от морских или речных грузовых терминалов. Особенно те, что находятся вблизи жилых районов.

В трубке повисло короткое, ошеломленное молчание.

– Вы что-то нашли? – спросил Артем, и в его голосе впервые прозвучало что-то кроме профессиональной холодности.

– Эхо, – коротко ответила Лика. – Я нашла эхо.

– Эхо? – переспросил Артем, и в его голосе прозвуча-

ла неподдельная заинтересованность, замешанная на легком недоверии.

– Звук рассказывает историю помещения, – тихо объяснила Лика, глядя на свои каракули на бумаге. – Он отражается от стен, мебели, потолка. Каждый раз, проходя через пространство, он приобретает новые оттенки, которые можно уловить. Голос был искажен, но фон... фон настоящий.

Она услышала, как на том конце провода Артем перевел дыхание.

– Карта будет через пять минут. Что еще?

Лика задумалась на секунду, ее пальцы снова потянулись к регуляторам, прокручивая запись на бесконечном повторе.

– Музыка. Рахманинов. Прелюдия до-диез минор. Узнаваема. Проверьте, не шла ли она в эфире на каких-то радиостанциях в момент похищения. Если нет... значит, ее включали на месте. Это важная деталь.

– Понял. Будет сделано.

Трубка клацнула. Лика снова осталась одна в своей звуковой капсуле, но теперь одиночество не давило. Его заполнила охота. Она вернулась к записи, к тому месту, где голос произносил: «...услышишь ее в последний раз». Пауза после угрозы была на микросекунду длиннее, чем нужно. И в этой паузе, едва уловимо, сквозь шипение вокодера... Она замерла, затаив дыхание. Прокрутила еще раз. И еще. Усилила высокие частоты, срезав бас. Там было что-то. Не звук, а его призрак. Почти стертый, наложенный поверх всего. Тихий,

высокий писк.

Одиночный, короткий. Как сигнал электронного устройства, оставшегося включенным. Или... предупреждение о разряженной батарее. Мысль пронзила ее молнией. Что, если запись делали на диктофон? Или на дешевый смартфон? И этот писк, звук низкого заряда аккумулятора? Это могло означать, что само послание записывали в спешке, на скорую руку, не на профессиональное оборудование. Противоречие с идеально продуманным похищением. Она сделала пометку на своем листе: «Писк? Батарея? Импровизация?» Дверь в студию открылась беззвучно. В проеме возник Артем. В одной руке он держал планшет с загруженной интерактивной картой, во второй небольшой термос и бумажный стаканчик.

– Карта, – он протянул ей планшет. – И зеленый чай. Без сахара. Полагаю, кофеин вам сейчас ни к чему.

Лика кивнула, с благодарностью принимая стаканчик. Тепло приятно обожгло ладони. Она сделала маленький глоток, и тонкий аромат разлился по вкусовым рецепторам, отвлекая на секунду от давящей тяжести расследования. Артем подошел и встал за ее плечом, смотря на экран монитора, где застыл спектрограмма записи, разноцветные волны звука, похожие на горный хребет.

– И что все это значит? – спросил он, голосом, в котором боролись любопытство и скепсис.

– Это значит, – Лика ткнула пальцем в свои заметки, а затем перевела его на карту на планшете, что вашу Машу, ско-

рее всего, держат не на заброшенном заводе в чистом поле. И не в современном бетонном гараже.

Она увеличила масштаб карты, пролистывая к портовой зоне.

– Ее держат в старом, вероятно, деревянном здании где-то здесь. В зоне слышимости грузовых терминалов, где гудят сирены судов или погрузочной техники. И где кто-то по соседству любит Рахманинова.

Она обвела область на карте, и ее палец дрогнул.

– И еще кое-что, – добавила она, глядя на спектрограмму. – Тот, кто записывал это сообщение, возможно, торопился. Или его техника подвела. Это не идеальное преступление. Они оставили следы. Звуковые следы.

Артем молча смотрел то на карту, то на ее лицо, озаренное холодным светом монитора. Надменность и скепсис в его глазах постепенно таяли, уступая место новому, незнакомому выражению – уважению, смешанному с легкой опаской.

– Орлов будет в ярости от таких неточностей, – наконец произнес он.

– Скажите ему, что ярость – плохой советчик, – парировала Лика, возвращаясь к записи. – А тишина... тишина иногда кричит громче всех. Теперь оставьте меня. Мне нужно услышать еще кое-что.

– Что именно? – не удержался он.

Лика не отрываясь смотрела на волнистые линии спектрограммы, где таились нерасшифрованные пока секреты.

– Тишину между звуками, – прошептала она. – Именно там всегда прячется самое важное.

Глава четвёртая

Следственное управление встретило Лику оглушительным грохотом. Не метро, не стройки, грохотом человеческой деятельности. Лязг факсов, треск клавиатур, гул десятков одновременных разговоров, скрип кресел, звонки телефонов, приглушенная ругань из кабинета следователя. Для Лики это было похоже на вход в адскую кузницу, где вместо молотов били по ее барабанным перепонкам. Она шла за Артемом, вжав голову в плечи и закутавшись в свой шумоподавляющий шарф, как в кокон. Он вел ее по коридору, заставленным стеллажами с папками, к застекленному кабинету с табличкой «Волков К.И., Следственный отдел».

В кабинете пахло старым деревом стола, дешевым кофе и... кардамоном. Свежим, только что смолотым. За столом, развалившись в кресле, сидел мужчина лет сорока с пяти. Усталое, обвисшее лицо, мешки под глазами, говорящие о тысячах бессонных ночей, и острый, пронзительный взгляд, который, казалось, видел насквозь всю подноготную человеческой мерзости. На нем был помятый пиджак, а на столе перед ним лежала толстая папка с надписью «Орлова М.И. Похищение».

– Кирилл Игоревич, – без предисловий начал Артем. – Это Лика Соколова. Специалист, привлеченный господином Орловым.

Волков медленно, с явной неохотой поднял на нее глаза. Взгляд скользнул по ее лицу, по наушникам на шее, оценивающе и без особой симпатии.

– Специалист, – повторил он глухим, прокуренным голосом. – По какой части? По части ясновидения? Гадания на кофейной гуще? У нас тут, знаете ли, не эзотерический салон.

Он хлопнул ладонью по папке.

– Дело. Ноль свидетелей. Ноль записей с камер по маршруту следования. Машину нашли сгоревшей дотла в лесу, профессионально облитую горючкой. Идеальный план. А вы мне какого-то... – он жестом показал на Лику, – медиума привели. Орлов совсем с катушек слетел?

Лику чувствовала, как по спине бегут мурашки. Не от страха, а от раздражения. Его голос, его манера говорить, даже то, как он дышал – все било по ее нервам.

– Кирилл Игоревич, – голос Артема стал холодным. – Мисс Соколова обладает уникальным слухом. Она уже...

– Уникальным слухом? – Волков фыркнул и отхлебнул из кружки с темной жидкостью. – Я тоже обладаю уникальным слухом. Я слышу, как врут подозреваемые. Как скрипят нервы у свидетелей. И сейчас я слышу, как трещит по швам бюджет этого дела, потому что какой-то олигарх решил поиграть в Шерлока Холмса.

Лику сжала кулаки. Запах кардамона смешивался с его послевкусием во рту. Она слышала это. Слышала легкий хруст

на зубах, когда он глотнул кофе. Крошечные, нерастворенные частички специй. Она сделала шаг вперед, перебивая Артема, который уже открыл рот для ответа.

— Вам не стоит пить кофе с кардамоном, если у вас начнется изжога, — тихо, но четко сказала она. — Кислотность только повысится. И ваш коллега в соседнем кабинете зря советовал вам этот рецепт от стресса. У него самого проблемы с желудком, он просто не обращает на них внимания. Слышно по дыханию.

В кабинете повисла мертвая тишина. Даже грохот из коридора куда-то отступил.

Волков замер с кружкой на полпути ко рту. Его усталые глаза сузились, в них промелькнуло сначала изумление, затем, жгучее недоверие.

— Что? — выдавил он.

— Вы только что пришли из кабинета через два офиса отсюда, — продолжила Лика, ее голос набирал силу, становясь холодным и точным, как скальпель. — Там пили тот же кофе. Вы обсуждали это дело. Вы сидели прямо напротив него, он за своим столом. И он постукивал ручкой по деревянной поверхности, когда говорил о отсутствии зацепок. Нервная привычка. Бумага в принтере у вас заканчивается, он зажевал. И да, — она кивнула на его руку, — вы порезали палец утром, когда вскрывали новую пачку. Пластырь плохо держится, вы его поправляли минуту назад.

Волков медленно, очень медленно поставил кружку на

стол. Он перевел взгляд с Лики на Артема, потом снова на Лику. Надменность и скепсис с его лица испарились, сменившись чистым, неподдельным интересом охотника, учуявшего новый, незнакомый след.

– Хруст, – прошептал он. – Ты слышала хруст кардамона у меня во рту.

– И скрип его стула, и скрежет вашего принтера, и то, как он потер указательным пальцем переносицу, когда вы сказали, что дело пустышка, – парировала Лика. – Это признаки неуверенности. Он не так в этом уверен, как вы.

Волков откинулся на спинку кресла. Оно жалобно заскрипело.

– Ну что ж, – протянул он наконец, и в его голосе появились новые, уважительные нотки. – Похоже, Орлов все-таки не идиот.

Он открыл ящик стола, достал пачку сигарет, посмотрел на нее, потом на Лику, и сунул обратно.

– Ладно, медиум. Что твои мысли говорят тебе о нашем идеальном преступлении?

Он толкнул папку с делом через стол по направлению к ней. Лика не стала ее открывать.

– Они говорят, что идеальных преступлений не бывает, – ответила она, глядя ему прямо в глаза. – Бывают плохие слушатели. А я слушаю очень хорошо. Ваше дело лежит там. Она указала на свой висок.

– А мои выводы здесь.

Она достала из кармана смятый листок со своими звуковыми пометками и положила его поверх толстой папки. Волков взял листок, пробежался по нему глазами. «Гудок. Скрип дерева. Капанье. Рахманинов. Писк (батарея?)». Он поднял на нее взгляд. Теперь в нем не было насмешки. Был чистейший, незамутненный интерес.

– Объясняй, – коротко бросил он. – С самого начала.

Волков откинулся в кресле, и оно снова жалобно заскрипело. Этот звук, обычно раздражающий, сейчас казался Лике знакомым, почти уютным на фоне общего хаоса. Она развернула свой листок с пометками и положила его перед следователем.

– Начнем с того, что ваш «идеальный план» не такой уж идеальный, – начала она, и ее тихий голос заставил Волкова наклониться вперед, чтобы лучше слышать. – Они записывали сообщение в спешке. Слышите этот высокочастотный писк в паузе?

Она ткнула пальцем в соответствующую пометку.

– Скорее всего, предупреждение о низком заряде батареи на устройстве. Профессионалы такого не допускают. Значит, они нервничали. Или что-то пошло не по плану.

Волков хмыкнул, достал из ящика стола очки в металлической оправе и надел их, внимательно вглядываясь в каракули.

– Допустим, – произнес он, и в его голосе уже не было от-

крытого скепсиса, а лишь осторожная проверка. – Продолжайте.

– Место, – Лика перевела палец на другие пункты. – Старое здание. Деревянные полы, они скрипят под ногами. Определенный, узнаваемый скрип. Влажно, значит где-то капает вода. И рядом источник мощного низкочастотного гула. Порт, промзона, крупный завод.

– В городе таких мест десятки, – заметил Волков, но уже не перебивая, а размышляя вслух.

– Но не в каждом из них кто-то слушает Рахманинова в тот самый момент, когда похититель диктует требования, – парировала Лика. – Это не радио. Музыка играла там, в помещении или прямо за стеной. Она была частью фона. Это сужает круг. Найдите мне заброшенный склад в промзоне, рядом с которым живут меломаны. Или...

Она запнулась, обдумывая мысль,

– Или где сами похитители слушают классику. Что это говорит о них?

Волков снял очки и потер переносицу, именно так, как, по словам Лики, делал его коллега.

– Говорит, что они не типичные громилы, – пробормотал он. – Или что там был еще кто-то. Тот, кто включил музыку, не участвуя в записи.

Он посмотрел на Лику.

– Ты это слышишь? На записи есть еще кто-то, кроме того, кто говорит?

Лица покачала головой.

– Прямых звуков нет. Только этот стук. И музыка. Но...
– она снова углубилась в свои воспоминания о звуке, голос. Он искажен, но... в нем нет паники. Полный контроль. Это читается в тембре, в ритме дыхания перед фразами. Это не нервный любитель. Это кто-то холодный и расчетливый. Возможно, с опытом публичных выступлений или... дикторской работой.

Волков тяжело вздохнул и потянулся к папке. Он открыл ее и вытащил несколько фотографий, сгоревший остов автомобиля, карта города с помеченным маршрутом, фото симпатичной улыбающейся девушки с каштановыми волосами – Маши Орловой.

– Вот что мы имеем, – он отодвинул фотографии к Лике. – Маршрут от клуба до дома. Камеры отключены на трех ключевых перекрестках. Время меньше минуты. Машина блокирует ее, мужчины в балаклавах, никаких свидетелей. Как призраки.

Лица не стала смотреть на фото. Она смотрела на Волкова.

– Они не призраки. Они оставили голос. А голос – это отпечаток. У него есть возраст, привычки, акцент, эмоциональное состояние. И у него есть эхо. И это эхо привязано к месту.

Она взяла со стола Волкова ручку и на чистом уголке своего листа нарисовала два пересекающихся круга.

– Вот ваша промзона. Вот места, где могла играть такая

музыка в такое время. Найдите пересечение. И проверьте все подобные здания на наличие старых деревянных построек рядом.

Волков смотрел на ее рисунок, потом на ее сосредоточенное лицо. В его усталых глазах зажегся огонек, который давно потух.

– Артем, – обернулся он к молчаливому охраннику. – Слышал?

– Так точно, – кивнул тот. – Я уже связался с людьми. Начинаем прочесывать указанный район.

– Хорошо, – Волков снова надел очки и взял листок Лики, как священную реликвию. – Ладно, Соколова. Допустим, ты не совсем шарлатанка.

Он ткнул пальцем в ее записи.

– Это хоть что-то. Мало, чертовски мало, но хоть что-то.

Он встал и подошел к карте города, висевшей на стене.

– Так... старые склады, порт, Рахманинов... – он бормотал себе под нос, уже полностью погрузившись в новый вектор мыслей.

Лица смотрела на его спину и понимала, что битва за доверие пока не выиграна, но первый, самый важный рубеж взят. Она заставила скептика усомниться в своей правоте. И теперь ее звуковой след стал и его следом тоже. Она тихо поправила наушники, глуша грохот участка, и приготовилась слушать дальше. Охота только начиналась. Телефон Артёма зазвонил. Поговорил несколько секунд и отключился.

– Орлов хочет вас увидеть майор

Следователь встал со стула и направился на выход.

Глава пятая

Особняк Орлова погрузился в тревожное молчание. Даже приглушенные шаги охраны по мягким коврам казались теперь назойливыми и зловещими. Лику снова провели в кабинет, где медиамагнат ожидал ее, нервно прохаживаясь от окна к бару и обратно. В воздухе витал запах дорогого виски, но бокал на столе был полным и нетронутым. Артем молча занял свой пост у двери, его лицо было каменной маской.

– Ну? – бросил Орлов, не сбавляя шага. Его взгляд, горящий лихорадочным огнем, впился в Лику. – Что вы нашли? Где моя дочь?

Лику остановилась посреди комнаты, чувствуя, как тяжесть его ожидания давит на нее физически. Она вынула свой блокнот.

– Я не знаю точного адреса, – начала она, и он уже готов был взорваться, но она подняла руку, останавливая его. – Но я знаю о них больше.

Она откашлялась, собираясь с мыслями.

– Человек, который записывал это сообщение... он не нервничал. Совсем.

Она посмотрела Орлову прямо в глаза.

– Вы слышали запись. Голос искажен, но под маской вокодера нет страха, нет злобы, нет эмоций. Есть только холодная, абсолютная уверенность. Контроль.

Орлов замедлил шаг, прислушиваясь.

– Его дыхание ровное перед каждой фразой. Он делает микроскопические паузы в нужных местах, чтобы акцентировать угрозу. Это не спонтанная речь. Это... исполнение. Как у актера на сцене. Или у диктора в кадре.

Она сделала паузу, позволяя словам достигнуть цели.

– Это не порыв, господин Орлов. Это не месть какого-то обиженного сотрудника или попытка быстрого обогащения. Это спланированная, выверенная до мелочей акция. Профессиональная работа.

Орлов замер на месте. Словно глыба, медленно и неотвратно уходящая под воду. Его надменность, его ярость, его отчаяние, все разом испарилось, оставив лишь ледяную, пустую бледность. Он медленно опустился в кресло за своим массивным столом, и оно жалобно закрипело под его весом.

– Профессионал, – прошептал он, и это было не вопросом, а констатацией страшного, давно подспудно знакомого факта. Его взгляд стал отсутствующим, он смотрел куда-то сквозь Лику, сквозь стены, в какое-то свое прошлое.

Лица видела, как его пальцы сжали подлокотники кресла так, что костяшки побелели.

– Актер... Диктор... – он повторил ее слова, и они, казалось, обожгли ему губы.

Он знал. Внезапно и с ужасающей ясностью Лица поняла, он знал, о ком она говорит. Не имя, не лицо. Но тип человека. Круг. Возможности. Орлов медленно поднял на нее

взгляд. Теперь в его глазах был не просто страх за дочь. В них поселился другой, более глубокий и древний ужаст. Ужаст человека, который понял, что против него ополчилось нечто большее, чем банда похитителей. Что это что-то из его собственной жизни. Из его прошлого.

– Вы... вы уверены? – его голос сорвался на хрип.

– Настолько, насколько можно быть уверенной, слушая звук, – тихо ответила Лика. – Он профессионал. И он не один. И у них есть причина действовать именно так. Холодно и расчетливо.

Орлов откинул голову на спинку кресла и закрыл глаза. Его лицо было похоже на посмертную маску.

– Боже правый... – выдохнул он так тихо, что лишь чуткий слух Лики уловил это. – Так оно и есть...

В комнате повисло тяжелое, давящее молчание. Даже Артем у двери, казалось, замер, затаив дыхание. Лика понимала, что только что дала Орлову не зацепку, а ключ. Ключ к двери, к которой скрывалось нечто такое, о чем он и думать боялся. И теперь ему предстояло решить, повернуть этот ключ или сломать его, обрекая себя и свою дочь на неведение. Он открыл глаза. В них уже не было паники. Был холодный, отточенный стальной расчет, тот самый, что помог ему построить империю.

– Артем, – его голос снова обрел твердость, но теперь в ней слышалось нечто новое, смертельная опасность. – Немедленно достаньте мне список всех ведущих, дикторов,

актеров озвучки и радиоведущих, которые так или иначе пересекались со мной или с моим холдингом за последние...

Он запнулся,

– За последние двадцать лет. Всех, кого увольняли, с кем расторгли контракты, кому я... перешел дорогу.

Артем кивнул, без лишних слов развернулся и вышел, щелкнув замком. Орлов перевел тяжелый взгляд на Лику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.